

Для Лю Цинье эта встреча стала лишь мимолетным эпизодом. Отпустив Ян Люлана, он размышлял: если судьба позволит юноше избежать кары, можно будет сойтись с ним поближе. Дерзкий и искренний нрав Шестого молодого господина подкупал, а влияние на семью Ян могло стать тем самым рычагом, что со временем пошатнет позиции Пань Жэньмэя. Стоило власти канцлера хоть немного ослабнуть, и желающих нанести ему последний удар нашлось бы великое множество.

Лю Цинье опустил голову и едва заметно, предвкушающе улыбнулся.

Медленным шагом он дошел до дворцовых покоев, где государь обычно вершил государственные дела. Приняв подобающий чиновнику смиренный вид, Лю Цинье замер в ожидании приема. Вскоре его и старого ханьлиня пригласили внутрь. Тай-цзун, казалось, был совершенно свободен от текущих забот — он самозабвенно упражнялся в каллиграфии. Посетители стояли неподвижно, боясь неловким звуком прервать таинство письма.

Наконец император вывел последний штрих. Осмотрев плод своих трудов, он остался недоволен. Лишь тогда государь поднял взгляд на вошедших и, заметив в их руках свитки, вспомнил, что сам велел доставить из Академии Ханьлинь партию документов.

Лю Цинье и его наставник поспешили поклониться. Император мягко велел им подняться, и стоявший подле трона евнух принял принесенные бумаги. Лю Цинье услышал, как государь обратился к старику «Гао-айцин», и запоздало осознал, что за привычным обращением «старый господин» он почти забыл фамилию своего начальника.

Расспросив ханьлиня Гао о паре пустяков, император уже собирался отпустить обоих, как вдруг заметил стоявшего чуть поодаль юношу. Тай-цзун узнал в нем того самого таньхуа, которого недавно лично отметил на экзаменах. Его трактат о государственном управлении был на редкость глубоким, а некоторые суждения на удивление созвучны мыслям самого монарха. Именно поэтому он и определил Лю Цинье в Академию — посмотреть, каких успехов тот добьется.

Государь велел господину Гао возвращаться, а Лю Цинье оставил при себе. Воцарилось молчание. Не смея заговорить первым, он застыл, безупречно соблюдая придворный этикет, чтобы не вызвать и тени недовольства.

Император некоторое время наблюдал за ним, и увиденное его удовлетворило. Юноша обладал не только талантом, но и статью; он держался с достоинством, не выказывая того рабского трепета, что часто охватывает людей перед лицом абсолютной власти. Тай-цзун, считавший себя тонким знатоком человеческих душ, видел: этот чиновник не чета закоснелым и сухим книжникам. Одна его дерзость на дворцовых экзаменах чего стоила! Заявить во всеуслышание, что мир с Ляо на их условиях равносителен капитуляции и ломает хребет империи, — для такого требовалось немалое мужество. Именно поэтому император тогда защитил его от гнева канцлера и отправил в Ханьлинь, куда Пань Жэньмэй не рискнул бы открыто соваться.

Мысли государя невольно переключились на самого канцлера. В последнее время поступки

Пань Жэньмэя становились всё более непредсказуемыми, а это тревожный знак. Подданный должен быть лишь инструментом в руках господина. За долгие годы их союза Тай-цзун привык к тому, что канцлер вечно копает под семью Ян, но пока это служило интересам короны, поддерживая необходимый баланс сил, император смотрел на это сквозь пальцы. «Только не разочаруй меня, Пань Жэньмэй, — подумал он. — Впрочем, предосторожность никогда не бывает лишней».

Заметив, что Лю Цинье стоит неподвижно уже довольно долго, император почувствовал легкий укол совести. Тот терпеливо ждал, опустив взор. Взяв один из принесенных свитков, Тай-цзун подошел к юноше.

— Я просмотрел записи. Сведения по округу Лоян за последние годы обрывочны и неточны. Восполни эти пробелы, айцин. Это будет твоим заданием.

Лю Цинье, чьи ноги уже начали неметь от долгого стояния, спокойно ответил:

— Ваш ничтожный слуга повинуется.

Государь уже хотел было отпустить его, как вдруг снаружи поднялся невообразимый шум. В зал, задыхаясь, вбежал евнух:

— Ваше Величество! Беда! На Колокольной и Барабанной башне пожар! Говорят, во дворец проникли ассасины!

Император сделал несколько стремительных шагов вперед и нахмурился. Он уже готов был отдать приказ гвардии оцепить территорию, но тут в дверях показался другой слуга:

— Ваше Величество, канцлер Пань и генерал Пань просят аудиенции!

Монарх мгновенно взял себя в руки.

— Пригласи.

— Ваше Величество... — Лю Цинье был вынужден подать голос. Ему здесь явно было не место, а лишний раз попадаться на глаза канцлеру, который и так его недолюбливал, не хотелось.

Государь лишь сейчас вспомнил о присутствии таньхуа.

— Оставайся здесь. Снаружи сейчас неразбериха, мало ли что случится. Подожди, пока всё не утихнет.

Поблагодарив за заботу, Лю Цинъе скромно отошел в самый дальний угол зала. Теперь он находился здесь по прямому указу, и если канцлер решит выразить недовольство, это будет расценено как пренебрежение волей императора.

В зал стремительно вошли Пань Жэньмэй и Пань Бао. Совершив полагающийся поклон, канцлер, даже не взглянув на притаившегося в тени Лю Цинъе, сразу же принял вид человека, глубоко сокрушенного бедами империи.

— Ваше Величество! У меня была важная весть, но по пути сюда я узнал о дерзком нападении! Сжечь Колокольную и Барабанную башню в самом сердце дворца... Подобная наглость немыслима без могущественных покровителей. Это прямой вызов достоинству Вашего Величества! Молю, позвольте моему сыну, Пань Бао, лично изловить преступников.

Пань Бао, напротив, не удержался и несколько раз мазнул взглядом по Лю Цинъе. Видимо, красота юноши была столь незаурядной, что даже в такой момент он не смог пройти мимо. Лю Цинъе едва сдерживал ироничную усмешку — не хватало еще, чтобы этот олух принял его за своего. Но он ошибся: Пань Бао просто ценил эстетику, а его истинной страстью всегда оставались девицы.

— Ступай, — коротко бросил император Пань Бао.

Проводив взглядом вышедшего генерала, государь вновь обратился к канцлеру:

— Если твоя «важная весть» касается триумфального возвращения маршала Яна и его победы над киданями, то я уже об этом извещен. Семья Ян в очередной раз доказала, что является незыблемой опорой Сун.

Пань Жэньмэй, чья неприязнь к Янам была притчей во языцех, не мог допустить, чтобы доверие императора к соперникам крепло.

— Ваше Величество, «под всем небом нет земли, что не принадлежала бы императору». Победа генерала Яна — событие радостное, но разве свершилась бы она без Вашего мудрого руководства и милости Небес?

Лю Цинъе в своем углу лишь холодно усмехнулся. Значит, подвиг Армии семьи Ян, разбившей превосходящие силы врага, для канцлера — «событие заурядное»? Семья Ян проливала кровь за эти земли, и Лю Цинъе, хоть и собирался использовать их в своей игре, понимал: случись что с ними — и Сун останется беззащитной перед киданями. Пань Жэньмэй не мог этого не понимать. А значит, намеренно вставляя им палки в колеса, он совершал нечто большее, чем просто интригу. Неужели он готов продать империю врагу?

Конечно, вслух Лю Цинъе не произнес ни слова. Император был далеко не глуп. Пань Жэньмэй был ему удобен лишь до тех пор, пока умел льстить и исполнять волю господина.

Тай-цзун пригубил чай, прикрыв чашку крышечкой.

— Слова твои верны, однако «кто не думает о далеком, того ждут близкие беды». Осторожность в таких делах лишней не бывает.

Канцлер понял, что перегнул с лестью, и поспешил исправиться:

— Ваше Величество мудр. Мой сын непременно доставит злодеев на ваш суд.

Однако реальность нанесла Пань Жэньмэю звучную пощечину. Пань Бао не только упустил лазутчиков, но и едва не спровоцировал еще один пожар. Пань Жэньмэй смотрел на сына с плохо скрываемым презрением.

Понимая, что не оправдал надежд отца, Пань Бао начал лихорадочно оправдываться:

— Ваше Величество, лазутчики скрылись, признаю свою вину. Но один из них мастерски владел копьем, а на месте стычки была найдена вот эта жемчужная шпилька. Я уверен: это были люди из семьи Ян — либо Шестой, либо Седьмой молодой господин. А женщина, что помогала им, использовала бамбуковый шест так, будто это было копье... и приемы её подозрительно напоминали Технику копья семьи Ян.

Император нахмурился:

— Семья Ян? Зачем им врываться во дворец? Ты уверен в своих словах?

Пань Жэньмэй и Пань Бао переглянулись.

— Нам это неведомо, Ваше Величество.

Государь взглянул на шпильку.

— Если ты утверждаешь, что это вещь госпожи Ян, то завтра, когда маршал Ян вернется в столицу, я лично во всём разберусь. Ступайте.

Пань Бао хотел было добавить что-то еще, но отец так сильно ущипнул его за спину, что тот осекся. Они медленно покинули зал. Лишь оказавшись там, где их никто не мог слышать, Пань Бао возмутился:

— Отец, почему ты заставил меня замолчать? Нужно было дожать императора сегодня, иначе они выкрутятся!

Пань Жэньмэй смерил сына ледяным взглядом:

— Ты думаешь, я глупее тебя? В политике главное — мера. Император доверяет мне именно потому, что я знаю, когда остановиться. Сказанное самим монархом в ходе расследования весит больше тысячи наших обвинений. Если мы будем слишком усердствовать, он решит, что мы просто сводим счеты. Пусть искры раздувает само следствие, нам же достаточно лишь изредка подбрасывать хвороста.

Слова отца заставили Пань Бао замолчать в восхищении.

В покоях император еще раз осмотрел жемчужину и отложил её в сторону.

— Поистине, мой канцлер остается верен себе, — прошептал он.

Затем Тай-цзун вспомнил о Лю Цинье:

— Ступай и ты. День выдался суетным. Завтра Армия семьи Ян вступает в город с победой. Передай господину Гао мою волю: ты должен присутствовать на приеме. Хочу, чтобы ты своими глазами увидел героев нашей империи.

Для Лю Цинье это было высокой честью, сопряженной с немалым риском. Он поклонился и вышел. Покинув дворцовые ворота, он взглянул на темнеющее небо. Завтрашний день обещал быть каким угодно, только не спокойным.

<http://bllate.org/book/17388/1695152>